

Ф. ЭНГЕЛЬС

Прусская водка в германском рейхстаге

I

4 февраля г-н фон Кардорф сделал имперскому правительству запрос по поводу высокого обложения немецкого "спирта" в Англии и Италии. Он обратил внимание господ депутатов (см. сообщение "Kolnische Zeitung" ²⁸) на то, что

"в наших восточных и северных провинциях обширные пространства, сотни квадратных миль довольно скудных, бесплодных земель, благодаря широко распространившемуся возделыванию картофеля, достигли сравнительно высокого плодородия и культуры, а возделывание картофеля в свою очередь вызвано тем, что в этих районах разбросано множество винокуренных заводов, которые заняты производством спирта в качестве побочного сельскохозяйственного промысла. Если прежде в этих районах проживало около 1 000 человек на квадратную милю, то теперь благодаря производству спирта земля дает пропитание приблизительно 3 000 человек на квадратную милю, ибо винокуренные заводы являются для картофеля необходимым рынком сбыта, ввиду того, что картофель из-за его объема трудно перевозить, а зимой из-за морозов перевозить и вовсе нельзя. Во-вторых, винокуренные заводы превращают картофель в высокоценный и легко транспортируемый спирт и, наконец, делают землю плодороднее благодаря большому количеству кормовых отходов. Насколько значительны доходы, связанные с этим делом, может уяснить себе каждый, кто примет во внимание, что доход, получаемый государством от налога на спирт, составляет у нас около 36 млн. марок, несмотря на то что в Германии наиболее низкий налог на спирт по сравнению со всеми странами мира, например в пять раз более низкий, чем в России".

Прусские юнкеры в последнее время должно быть очень расхрабрились, если они осмеливаются обратить внимание всего мира на свою "спиртовую промышленность", или *vulgo* * винокурение.

---

* - попросту. *Ред.*

В прошлом столетии в Германии перегонялось лишь небольшое количество водки, да и то лишь из зерна. Тогда, правда, не умели отделять содержащееся в этой водке сивушное масло (к этому пункту мы еще вернемся), так как само сивушное масло еще вовсе не было известно; но по опыту знали, что от продолжительного хранения качество водки существенно улучшается, теряется ее жгучесть и она действует менее охмеляюще и менее разрушительно для здоровья. Мелкобуржуазные условия, при которых тогда производилась водка, и еще не развитый спрос, считавшийся более с качеством, чем с количеством, позволяли почти везде годами выдерживать хлебное вино в погребах и, таким образом, путем постепенного химического изменения наиболее вредных его составных частей придавать ему менее губительный характер. Так, в конце прошлого столетия мы находим сравнительно развитое винокурение лишь в немногочисленных городских пунктах - в Мюнстере, Уль-рихштейне, Нордхаузене и др., и их продукт обычно сопровождался прилагательным "старый".

К началу нынешнего столетия число винокуренных заводов в сельских местностях увеличилось, винокурение стало побочным промыслом более крупных землевладельцев и арендаторов, особенно в Ганновере и Брауншвейге. Они находили покупателей, с одной стороны, благодаря все более расширяющемуся потреблению водки, а с другой стороны, благодаря потребностям постоянно возрастающих и постоянно воюющих армий, которые, со своей стороны, распространяли пристрастие к водке во все более широких кругах. После заключения мира в 1814 г. винокурение могло таким образом распространиться все шире и шире и пустить прочные корни на Нижнем Рейне, в Прусской Саксонии, Бранденбурге и Лужице, выступая в указанном, совершенно отличном от старого городского винокурения виде - в качестве побочного занятия крупных сельских хозяев.

Но поворотным пунктом для винокурения было открытие, что водку можно выгодно производить не только из зерна, но также и из *картофеля*. Тем самым весь промысел был революционизирован. С одной стороны, центр тяжести винокурения был теперь окончательно перенесен из города в деревню, и мелкобуржуазные производители доброго старого напитка все больше и больше вытеснялись крупными землевладельцами, производителями гнусной картофельной сивухи. Но, с другой стороны, - и это исторически гораздо важнее, - крупный землевладелец, перегонявший водку из зерна, был вытеснен крупным землевладельцем, перегонявшим водку из картофеля; винокурение все больше и больше перемещалось из плодород-

ных зерновых районов в неплодородные картофельные, т. е. из Северо-Западной Германии в Северо-Восточную, - в *старую Пруссию*, на восток от Эльбы.

Этот поворотный пункт наступил тогда, когда разразился неурожай и голод 1816 года. Несмотря на более высокие урожаи двух последующих лет, цены на зерно вследствие неудержимого вывоза зерна в Англию и в другие страны оставались настолько высокими, что стало почти невозможно употреблять зерно для винокурения. Оксхофт * водки, который в 1813 г. стоил только 39 талеров, продавался в 1817г. за 70 талеров. Тогда картофель занял место зерна, и в 1823 г. оксхофт стоил уже от 14 до 17 талеров!

Но откуда у бедных остэльбских юнкеров, которые были якобы дотла разорены войной и жертвами, принесенными на алтарь отечества, взялись средства, с помощью которых они превратили тяготевшие над ними ипотечные долги в прибыльные водочные заводы? Правда, благоприятная конъюнктура 1816-1819 гг. принесла им очень высокие доходы и увеличила их кредит благодаря всеобщему повышению цен на землю; по этого было далеко не достаточно. Наши патриотические юнкеры получили, однако, сверх того: во-первых, государственную помощь в различных прямых и косвенных формах, а во-вторых, сюда прибавилось еще одно обстоятельство, на которое надо обратить особое внимание. Как известно, в Пруссии в 1811 г. выкуп крестьянских барщинных повинностей и вообще конфликты между крестьянами и помещиками были урегулированы законом таким образом, что натуральные повинности превращались в денежные, последние капитализировались и могли быть выкуплены либо наличными деньгами с определенной рассрочкой платежей, либо путем уступки помещику части крестьянской земли, либо же частично деньгами, частично- землей. Этот закон оставался мертвой буквой, пока высокие хлебные цены 1816-1819 гг. не дали крестьянам возможности ускорить выкуп. С 1819 г. выкупные операции быстро двинулись вперед в Бранденбурге, более медленно в Померании, еще медленнее в Познани и Пруссии. Деньги, отнятые у крестьян таким способом, - правда, по закону, но не по праву (ибо барщинные повинности были навязаны крестьянам вопреки праву), - эти деньги, поскольку они тотчас же не прокучивались по старому дворянскому обычаю, шли главным образом на основание винокуренных предприятий. И в остальных трех названных провинциях винокурение распространялось в той же мере, в какой выкупные платежи

---

* - старинная мера жидкости в Германии, в среднем равная 225 литрам. *Ред.*

крестьян предоставляли для этого средства. Таким образом, водочная промышленность прусских юнкеров была создана буквально на деньги, отнятые у крестьян. И она бойко развивалась, особенно с 1825 года. Уже спустя два года, в 1827 г., в Пруссии производилось 125 млн. четвертей водки, т. е. по 101/2 четвертей на душу населения, общей стоимостью в 15 млн. талеров; напротив, Ганновер, бывший пятнадцатью годами раньше первым водочным государством Германии, производил только 18 млн. четвертей.

Понятно, что с того времени вся Германия, поскольку отдельные государства или таможенные союзы отдельных государств не оградили себя от этого таможенным барьером, была прямо-таки затоплена бурным потоком прусской картофельной сивухи. Четырнадцать талеров за ом * в 180 четвертей, т. е. 2 гроша 4 пфеннига за четверть по оптовой цене! Пьянство, которое раньше обходилось в три-четыре раза дороже, теперь стало повседневно доступным даже самым неимущим людям, с тех пор как за пятнадцать зильбергрошей каждый получил возможность быть всю неделю в стельку пьяным.

Действие этих беспримерно дешевых цен на водку, которые дали себя знать в различных местах в разное время, но везде почти с быстротой молнии, было неслыханным. Я еще очень хорошо помню, как в конце 20-х годов дешевизна цен на водку внезапно распространилась на Нижнерейнский промышленный округ. В частности в Бергском округе, и особенно в Эльбер-фельд-Бармене, масса рабочего населения предалась пьянству. Толпами, рука об руку, запрудив улицу во всю ширину, шумя и горлая, "пьяные мужчины" шатались с 9 часов вечера из трактира в трактир и наконец разбредались по домам. При тогдашнем культурном уровне рабочих, при полной безвыходности их положения в этом не было ничего удивительного, особенно в благословенном Вуппертале, где в течение шестидесяти лет одно производство беспрестанно вытесняло другое, где одна часть рабочих, таким образом, жила в постоянной нужде, если не вовсе не имела хлеба, тогда как другая часть (тогда - красильщики) оплачивалась по тем временам хорошо. И если, как это было тогда, вуппертальским рабочим не оставалось ничего другого, кроме выбора между земной водкой кабаков и небесной водкой пиетистских попов, - мудрено ли, что они предпочитали первую, как бы плоха она ни была.

А она была очень плоха. Как только водка выходила из холодильника, она рассыралась без всякой дальнейшей очистки,

---

* - старинная мера жидкости в Германии, в среднем равная 150 литрам, *Ред.*

со всем содержащимся в ней сивушным маслом, и сразу распивалась. Все водочные изделия, перегоняемые из виноградных выжимок, из свеклы, зерна или картофеля, содержат это сивушное масло, смесь, состоящую из высших спиртов, т. е. из жидкостей, аналогичных по составу обыкновенному алкоголю, но с большим содержанием углерода и водорода (в частности первичный пропиловый спирт, изобутиловый спирт, но в первую очередь амиловый спирт). Все эти виды спиртов вреднее обыкновенного винного спирта (этилового спирта), и доза, при которой они действуют отравляюще, гораздо меньше, чем соответствующая доза последнего. Профессор Бинц в Бонне после многократных опытов недавно установил, что опьяняющее действие наших спиртных напитков, точно так же, как и их неприятные последствия в виде пресловутого похмелья или в виде более серьезных явлений заболевания и отравления, должны быть приписаны не столько обычному винному, или этиловому, спирту, сколько главным образом высшим спиртам, т. е. сивушному маслу. Они действуют, однако, не только более опьяняюще и разрушительно, но и определяют характер опьянения. Каждый знает по собственному наблюдению, если не из опыта, как различно действует на мозг опьянение вином (даже разными сортами вина), пивом или водкой. Чем больше в напитке сивушного масла и чем вреднее это сивушное масло по своему составу, тем более омерзительно и буйно опьянение. Молодая неочищенная картофельная водка по сравнению с другими крепкими напитками содержит, как известно, наибольшее количество сивушного масла, наиболее вредно действующего состава. Действие непривычно больших количеств этого напитка на такое легко возбудимое, темпераментное население, как население Бергского округа, было, разумеется, вполне соответствующим. Характер опьянения совершенно изменился. Всякое празднество, прежде кончавшееся добродушным весельем и лишь изредка эксцессами, при которых, правда, нередко пускали в ход "Kneif" (нож, по-английски knife), каждое такое празднество стало превращаться в дикую попойку и завершалось неизбежной дракой, которая никак не обходилась без поножовщины, причем смертельные случаи от ножевых ран имели место все чаще. Попы сваливали вину за это на растущее безбожие, юристы и прочие филистеры - на кабацкие попойки. Настоящей же причиной было внезапное наводнение прусской сивухой, которая производила свое естественное физиологическое действие и отправляла в крепостные казематы сотни бедняг.

Это острое действие дешевой водки продолжалось много лет, пока оно мало-помалу в большей ИЛИ меньшей мере не притупилось. Но ее влияние на нравы не исчезло полностью; водка осталась в большей степени, чем раньше, жизненной потребностью рабочего класса, а ее качество, хотя несколько и улучшилось, оставалось все же гораздо ниже качества прежнего старого хлебного вина.

То же самое, что было в Бергском округе, происходило и в других районах. Сетования филистеров по поводу роста среди рабочих чрезмерного потребления водки никогда еще не были так повсеместны, единодушны и громогласны, как в 1825- 1835 годах. Можно даже поставить вопрос, не объясняется ли та апатия, с которой именно северогерманские рабочие отнеслись к событиям 1830 г., не пробудившим их активности, - не объясняется ли эта апатия в значительной степени водкой, во власти которой они тогда находились больше, чем когда бы то ни было. Серьезные и особенно успешные восстания возникали только в винодельческих районах или в тех немецких государствах, которые в большей или меньшей мере оградили себя от прусской водки таможенными пошлинами. Это не единственный случай, когда водка спасала прусское государство.

Единственной отраслью промышленности, которая привела к еще более опустошительным прямым результатам, - да и то не против собственного, а против чужого народа, - было англо-индийское производство опиума для отравления Китая.

Между тем производство водки стремительно развивалось, распространялось все больше и больше на восток и занимало под картофель морген за моргеном песчаные и болотистые пустоши Северо-Восточной Германии. Не довольствуясь тем, что она осчастливила свое отечество, эта отрасль производства стремилась к тому, чтобы сделать доступной благословенную старопрусскую сивуху и для заграницы. Обыкновенную водку перегоняли еще раз, чтобы удалить из нее часть содержащейся в ней воды, и называли полученный таким способом содержащий воду неочищенный винный спирт "Sprit", что представляет собой перевод на прусский язык латинского Spiritus. Высшие спирты имеют более высокую точку кипения, чем этиловый спирт. В то время как последний кипит при $787\frac{1}{2}^{\circ}$ стоградусного термометра, точка кипения первичного пропилового спирта равна 97° , изобутилового спирта - 109° , амилового спирта - 132° . Так что надо полагать, что при осторожной дистилляции по крайней мере большая часть амилового спирта, главной составной части сивушного масла, равно как и часть изобутилового спирта, должны остаться, и при дистилляции уйдет

самое большое лишь часть их, наряду с большей частью первичного пропилового спирта, который, впрочем, в сивушном масле представлен очень слабо. Но даже научная химия не в состоянии путем дистилляции отделить эти три упомянутых низших спирта, а амиловый спирт можно выделить из сивушного масла только путем неприменимой в винокурении дробной перегонки. К тому же в сельских водочных предприятиях перегонка производится достаточно грубо. Так что нет ничего удивительного в том, что спирт, производившийся в начале сороковых годов, отличался еще изрядной примесью сивушного масла, что легко было установить по запаху: чистый или содержащий только воду винный спирт почти не имеет запаха.

Этот спирт отправлялся преимущественно в Гамбург. Что происходило с ним дальше? Часть направлялась в такие страны, куда ввозные пошлины не закрывали ему всякий доступ; в этом экспорте принимал участие также Штеттин; однако преобладающая его часть использовалась в Гамбурге и Бремене для фальсификации рома. Этот вид водки, который перегонялся в Вест-Индии частично из самого сахарного тростника, но большей частью из отходов, остающихся при изготовлении сахара, был единственным ее видом, который вследствие дешевизны его изготовления мог еще конкурировать с картофельной водкой в качестве напитка, представлявшего для масс своего рода роскошь. Чтобы изготовить "тонкий", но в то же время дешевый ром, брали примерно бочку действительно тонкого ямайского рома, три-четыре бочки дешевого, скверного бербисского рома и две-три бочки прусского картофельного спирта, - и эта, или ей подобная, смесь давала в общем то, чего хотели. Этот "яд", как сами купцы, занимавшиеся фальсификацией, называли в моем присутствии такую смесь, пересылался морем в Данию, Швецию, Норвегию и Россию; однако весьма значительная часть его направлялась снова вверх по Эльбе или через Штеттин в районы, откуда прибывал благородный спирт, и частью распивалась там в качестве рома, а частью контрабандным путем шла оттуда в Австрию и Польшу.

Гамбургские купцы не ограничились фальсификацией рома. С присущей им гениальностью они сразу увидели, какая потрясающая будущность уготована прусской картофельной водке. Они испробовали свои силы на всякого рода других напитках, и уже к концу 30-х годов никто в непрусской Северной Германии, сколько-нибудь знавший толк в вине, не хотел получать белые французские вина из Гамбурга, так как всем было

известно, что они там подслащивались свинцовым сахаром и приобретали тем самым отравляющие свойства. Как бы то ни было, но картофельный спирт стал основой все возрастающей фальсификации напитков. За ромом последовал коньяк, который требовал уже более искусного обращения. Вскоре к вину начали примешивать спирт и, наконец, дошли до того, что стали готовить портвейн и испанские вина... совсем без вина: из спирта, воды и растительных соков; последние часто заменялись химическими препаратами. Еще более способствовало процветанию дела то, что во многих странах подобные проделки либо были прямо запрещены, либо так близко подходили под уголовные законы, что не было расчета отваживаться на них. Но Гамбург был резиденцией неограниченной свободы торговли, и фальсификация "на благо Гамбурга" развернулась там всюду.

Однако монополия в деле фальсификации продолжалась недолго. После революции 1848 г., когда во Франции исключительное господство крупных финансистов и небольшой кучки видных крупных промышленников было заменено кратковременным господством буржуазии в целом, французские промышленники и торговцы начали понимать, какие чудодейственные силы дремлют в бочке прусского картофельного спирта. Они стали подделывать свой коньяк уже у себя дома вместо того, чтобы посылать его нефальсифицированным за границу; а тем более предназначенный для внутреннего потребления коньяк (я называю так для краткости всякую водку, полученную из виноградных выжимок) стали облагораживать крепкой примесью прусского картофельного спирта. Благодаря этому коньяк - единственная водка, которая во Франции идет для массового потребления, - значительно подешевел. Вторая империя покровительствовала этим проделкам, разумеется, в интересах страдающих масс, и в результате к моменту краха наполеоновской династии мы видим, что вследствие благотворного действия старой прусской водки пьянство, которое было там раньше почти неизвестно, получило во Франции значительное распространение.

Ряд небывало плохих сборов винограда и, наконец, торговый договор 1860 г., который открыл для французской торговли вином доступ в Англию, дали толчок для нового прогресса. Слабые вина неурожайных лет, кислоту которых не могло устранить добавление сахара, нуждались в примеси алкоголя для повышения крепости. Их смешивали поэтому с прусским спиртом. Кроме того, англичане привыкли к крепким винам, и натуральные французские вина, которые теперь в огромном количестве шли на экспорт, оказались для англичан слишком

слабыми и холодными. Можно ли было найти на свете что-либо лучше прусского спирта, для того чтобы сделать их крепкими и горячими? Бордо все более становился центром фальсификации французских, испанских и итальянских вин, которые превращались там в "тонкое бордо", и вместе с тем - центром... использования прусского спирта.

Да, испанские и итальянские вина! С тех пор как потребление французских красных вин, - а других не желает пить ни один буржуа, - достигло таких огромных размеров в Англии, Северной и Южной Америке и в колониях,- даже почти неисчерпаемых винных богатств Франции оказалось уже недостаточно. Почти весь пригодный сбор винограда в Северной Испании, в том числе весь сбор в богатом винограде Риохе в долине Эбро, идет в Бордо. Генуя, Ливорно и Неаполь посылают туда же целые корабли, нагруженные вином. С помощью прусского спирта эти вина приводятся в такое состояние, при котором они могут выдержать транспортирование морем, и в то же время этот вывоз вина так повышает цены на него в Испании и Италии, что вино, которое масса трудящегося населения раньше употребляла ежедневно, становится для нее совершенно недоступным. Вместо вина она пьет водку, а главная составная часть этой водки - опять-таки прусский картофельный спирт. Впрочем, г-н фон Кардорф жалуется в рейхстаге на то, что в Италии это происходит еще в недостаточной степени.

Куда ни повернешься, везде мы встречаем прусский спирт. Прусский спирт простирается несравненно дальше, чем рука германского имперского правительства. И всюду, где мы находим этот спирт, он служит прежде всего... для фальсификации. Он становится средством, которое делает южноевропейские вина пригодными для транспортировки морем и отнимает их вместе с тем у местного трудящегося населения. И подобно тому, как копьё Ахилла лечило раны, им же нанесенные ²⁹, прусский спирт преподносит рабочему классу взамен отнятого у него вина - фальсифицированную водку! Спирт, добываемый из картофеля, это для Пруссии то же самое, что железо и хлопчатобумажные товары для Англии; это товар, который представляет Пруссию на мировом рынке. Поэтому-то новейший приверженец и вместе с тем возродитель социализма, господин Евгений Дюринг, мог прославлять винокурение "прежде всего... как естественную связь (индустрии) с сельскохозяйственной Деятельностью" и торжествующе провозглашать:

"Значение производства спирта так велико, что его скорее можно недооценить, чем переоценить!" ³⁰

И разумеется, anch' io son' pittore (я тоже живописец, как сказал Корреджо ³¹) означает по-пруски: "Я тоже винокур".

Этим, однако, чудесные подвиги прусской картофельной водки далеко не исчерпываются.

"Если прежде в этих районах", - сказал г-н фон Кардорф, - "проживало около 1 000 человек на квадратную милю, то теперь, *благодаря производству спирта*, земля дает пропитание *приблизительно 3 000 человек на квадратную милю*".

И это в общем верно. Я не знаю, о каком времени говорит г-н фон Кардорф, когда он определяет численность населения в 1 000 человек на квадратную милю. Когда-нибудь такое время наверное было. Но если исключить провинции Саксонию и Силезию, где винокурение по сравнению с другими отраслями промышленности играет менее видную роль, а также Познань, большая часть которой, несмотря на все усилия правительства, все еще проявляет одно лишь желание - оставаться польской, то у нас имеются три провинции: Бранденбург, Померания и Пруссия. Эти три провинции занимают поверхность в 2 415 квадратных миль. В 1817 г. все их население исчислялось в 3 479 825 человек, или 1 441 человек на квадратную милю; в 1871 г. - в 7 432 407 человек, или 3 078 на квадратную милю. Мы совершенно согласны с г-ном фон Кардорфом, когда он рассматривает этот прирост населения главным образом как прямой или косвенный результат винокурения. Если мы отнесем сюда же Альтмарк, северную земледельческую Нижнюю Силезию и преимущественно немецкую часть Познани, в которых население формировалось подобным же образом, то перед нами подлинно водочная область, а вместе с тем и *ядро прусской монархии*. И тут открывается совершенно другая перспектива. Винокурение выступает в настоящее время в качестве подлинной материальной основы современной Пруссии. Без него прусское юнкерство должно было бы погибнуть; его поместья были бы частично скуплены крупными земельными магнатами, которые образовали бы немногочисленную аристократию в российском духе, а частично были бы раздроблены, образуя основу для самостоятельного крестьянского сословия. Без винокурения ядром Пруссии оставалась бы область с какими-нибудь 2 000 человек населения на квадратную милю, область, не способная играть в дальнейшей истории никакой роли, ни положительной, ни отрицательной, пока буржуазная промышленность не развилась бы в достаточной мере, чтобы и здесь взять на себя общественное, а может быть, и политическое руководство. Винокурение дало развитию другое направление. На почве, которая не производит почти ничего, кроме

картофеля и захолустных юнкеров, но зато уж в массовом масштабе, на этой почве винокурение оказалось в состоянии выдержать мировую конкуренцию. Пруссия, которой все более благоприятствовал растущий спрос - вследствие уже указанных обстоятельств, - могла подняться до уровня центрального водочного завода мира. При наличных общественных отношениях это означало не что иное, как образование, с одной стороны, класса средних землевладельцев, младшие сыновья которых становились главным материалом для кадров офицерства и бюрократии, т. е. новое продление срока жизни юнкерства; с другой же стороны - образование относительно быстро увеличивающегося класса полукрепостных, из которых рекрутируется масса "кадровых полков" армии. О положении этой рабочей массы, номинально свободной, но практически большей частью совершенно закабаленной помещиком посредством годовых контрактов, натуральной оплаты, жилищными условиями, наконец посредством полицейской власти в поместье, которая при новом законе об округах лишь видоизменила свою форму ³², - о положении этой массы можно получить представление по сочинениям профессора фон дер Гольца. Короче говоря, если Пруссия оказалась в состоянии мало-мальски переварить проглоченные в 1815 г. территории на западном берегу Эльбы, в 1848 г. - подавить революцию в Берлине, в 1849 г., несмотря на рейнско-вестфальские восстания, встать во главе германской реакции, в 1866 г. - провести войну с Австрией, а в 1871 г. - подчинить всю Малую Германию руководству самой отсталой, самой косной, самой невежественной, еще полуфеодальной части Германии, если Пруссия могла все это сделать, то чему она этим обязана? - Винокурению.

II

Вернемся, однако, к рейхстагу. В прениях принимают участие главным образом г-н фон Кардорф, г-н фон Дельбрюк и представитель Гамбургского союза Крюгер. После этих прений может показаться, что мы совершили по отношению к прусскому картофельному спирту вопиющую несправедливость. Все зло не в прусском, а в русском спирте. Г-н фон Кардорф жалуется на то, что гамбургские промышленники перерабатывают в спирт русскую водку (а она, как определенно подчеркивает г-н Крюгер, перегоняется не из картофеля, а из зерна), "рассылают ее под видом немецкого спирта и тем самым наносят ущерб репутации прусского спирта". Г-ну Дельбрюку указали, что "такая подмена натолкнулась бы на большие затруднения, потому что из русской водки до сих пор еще не удавалось изготовлять спирт *без запаха*, как из немецкой", но он на это предусмотрительно заметил: "Господа, этого я, конечно, не могу знать".

Итак, все зло не в прусском картофельном спирте, а в русском хлебном. Прусский картофельный спирт "не имеет запаха", т. е. не содержит сивушного масла; русский же хлебный спирт не умеют еще изготовлять без запаха, стало быть, он содержит в себе сивушное масло, и когда он продается под маркой прусского, он наносит ущерб бессивушной репутации прусского спирта. Судя по этому, мы мошенническим образом и с явно враждебными империи намерениями оклеветали прусский "бессивушный" спирт. Посмотрим, как обстоит дело в действительности.

Действительно, существует способ очищать водку от сивухи путем ее обработки раскаленным древесным углем. В результате этого поступающий в продажу спирт в последнее время вообще содержит меньше сивушного масла. Однако между двумя сортами спирта, которые нас здесь интересуют, разница такова: спирт, изготовленный из зерна, без особого труда может быть *совершенно* освобожден от сивухи, в то время как освобождение от сивухи спирта, добываемого из картофеля,

гораздо труднее, а в крупном производстве практически настолько невозможно, что даже самый чистый спирт, изготовленный из картофельной водки, при растирании на руке всегда оставляет запах сивухи. Отсюда правило, что для применения в аптеках и для тонких ликеров берется или во всяком случае должен быть взят (так как и здесь производят фальсификацию!) только хлебный и ни в коем случае не картофельный спирт.

Через несколько дней после того, как "Kolnische Zeitung" опубликовала вышеупомянутые прения о водке, она приводит в отделе разных сообщений (8 февраля, на первой странице) тяжкие сетования какого-то рейнского любителя выпить: "Было бы крайне желательно иметь возможность обнаруживать *примесь картофельного спирта и к тонким винам*. Правда, *отвратительная тяжесть в голове* указывает задним числом на его присутствие, но слишком поздно. Картофельный спирт *содержит сивушное масло*, неприятный запах которого заглушается специфическим запахом вина. *Этот вид фальсификации - один из самых распространенных*".

Наконец, для того, чтобы успокоить старопрусских винокуров, г-н Крюгер предал гласности тот внушающий опасение факт, что на гамбургском рынке русский хлебный спирт оплачивается на *четыре марки дороже*, чем прусский картофельный спирт. Последний расценивался 7 февраля в Гамбурге по 35 марок за 100 литров; русский спирт расценивался, стало быть, на 12 процентов выше прусского, репутацию которого он якобы подрывает!

И вот после всех этих фактов поглядите-ка на мину оскорбленной невинности у этого оклеветанного, "не имеющего запаха", ревнивого к своей репутации, добродетельного прусского "бессивушного" спирта, который в оптовой торговле стоит только 35 пфеннигов за литр - дешевле пива! Если сопоставить прения и факты, то разве не появляется искушение спросить: кого же здесь принимают за дурака?

Благословенное влияние прусского сивушного масла - всеобъемлюще, так как вместе с картофельным спиртом оно проникает во всякий напиток. От кислого, слабого мозельского и рейнского вина худшего сорта, которое при помощи картофельного сахара и картофельного спирта чудесным образом превращается в браунбергское и нирштейнское, от скверного красного вина, которое со времен гладстоновского торгового Договора наводняет Англию и называется там "Гладстон", и до шато-лафита и шампанского, портвейна и мадеры, которые буржуазия распивает в Индии, Китае, Австралии и Америке, - нет ни одного напитка, в состав которого не входило бы прусское сивушное масло. Производство этих напитков процветает

всюду, где растет виноград и где на складах вино хранится в большом количестве, и производители поют там дифирамбы картофельному спирту. А потребители? Потребители по "отвратительной тяжести в голове" узнают, в чем именно состоит благословение прусской сивухи, и стараются держаться от этого благословения подальше. В Италии, как говорит фон Кардорф, торговый договор применяется таким образом, что за прусский спирт приходится платить чрезмерно высокую пошлину. Ввоз спирта в Бельгию, Америку, Англию стал невозможным из-за высоких пошлин. Во Франции таможенные чиновники наклеивают на бочки со спиртом красные ярлыки, чтобы обозначить, что они прусские, - действительно впервые французские таможенные чиновники сделали хоть кое-какое общепольное дело! Словом, дело дошло до того, что г-н фон Кардорф в отчаянии восклицает:

"Господа, если вы представите себе положение немецкой спиртовой промышленности, вы увидите, *что все страны трусливейшим образом запираются от нашего спирта!*"

Ну, конечно! Благодетельное влияние этого спирта мало-помалу стало известно всему миру, и единственное средство избавиться от "отвратительной тяжести в голове" - это вообще не пропускать в страну сивухи.

Вдобавок на притесняемых шнапс-юнкеров надвигается теперь с Востока тяжелая, гнетущая грозная туча. Великий брат в России, последний оплот и последняя защита всех стародавних порядков против современной жажды разрушения, начинает теперь тоже производить и вывозить водку, и как раз хлебную водку, притом продавая ее так же дешево, как прусские юнкеры свою картофельную водку. Из года в год увеличивается производство и вывоз этой русской водки, и если до сих пор она перегонялась в спирт в Гамбурге, то теперь, как сообщает нам г-н Дельбрюк, "в ряде русских портов... в настоящее время уже строится несколько предприятий, оборудованных превосходнейшими аппаратами для перегонки русской водки", и он предупреждает господ юнкеров, что русская конкуренция из года в год будет все больше и больше усиливаться. Г-н фон Кардорф прекрасно понимает это и требует, чтобы правительство решительно запретило транзит русского спирта через Германию, Однако, г-н фон Кардорф, как депутат, принадлежащий к свободным консерваторам, должен был бы суметь правильнее определить позицию германского имперского правительства по отношению к России. После аннексии Эльзаса и Лотарингии и неслыханной военной контрибуции в пять миллиардов, вследствие которой Францию превратили в неизбежного союзника

любого врага Германии, и при политике, повсюду стремящейся заставить себя уважать или, вернее, бояться, но нигде - любить, осталось лишь одно из двух: либо быстро разбить также и Россию, либо же..., став послушным слугой русской дипломатии, обеспечить себе союз с Россией (поскольку можно на нее полагаться). Так как не могли решиться на первое, то оказались обреченными на второе. Пруссия, а с ней и вся империя, снова находятся в такой же зависимости от России, как после 1815 и после 1850 г., а Священный союз точно так же, как и после 1815 г., служит лишь прикрытием этой зависимости. Результатом всех достославных побед является то, что Германия по-прежнему остается пятой спицей в европейской колеснице. А Бисмарк еще удивляется тому, что германское общество по-прежнему интересуется больше событиями, происходящими за границей, где находятся действительно решающие центры, чем делами имперского правительства, не имеющего никакого значения в Европе, или речами в рейхстаге, не имеющем никакого значения в Германии! Запретить транзит русского спирта! Хотел бы я видеть того рейхсканцлера, который осмелился бы на это, не имея в кармане объявления войны России! И когда г-н фон Кардорф ставит имперскому правительству такое странное требование, то можно подумать, что не только *питье* водки, но даже *изготовление* водки затуманивает рассудок. Ведь даже более знаменитые винокуры, чем г-н фон Кардорф, в последнее время стали проделывать такие вещи, для которых, с их же собственной точки зрения, нельзя найти решительно никакого разумного объяснения.

Впрочем, вполне понятно, что русская конкуренция внушает зловещий ужас нашим шнапс-юнкерам. В центре России существуют обширные земельные пространства, где хлеб можно получить так же дешево, как в Пруссии картофель. К тому же и топливо в России большей частью дешевле, чем в районах нашего винокурения. Все материальные предпосылки налицо. Что ж тут удивительного, если часть русского дворянства, точно так же, как и прусские юнкеры, вкладывает в винокуренные предприятия деньги, полученные от государства за счет, крестьян при выкупе барщинных повинностей? Что удивительного в том, что эти винокуренные предприятия при наличии непрерывно растущего рынка и при том преимуществе, которое хлебная водка при равной или немного более высокой цене всегда имеет перед картофельной водкой, быстро распространились и что уже сейчас можно предвидеть то время, когда их продукция целиком вытеснит с рынка прусский картофельный спирт? Здесь не помогут никакие сетования, никакие вопли.

Законы капиталистического производства, пока оно существует, так же неумолимы для юнкеров, как и для евреев. Благодаря русской конкуренции приближается тот день, когда падет священный Илион, когда славная прусская водочная промышленность исчезнет с мирового рынка и в лучшем случае будет еще накачивать сивухой внутренний рынок. Но в тот день, когда у прусских юнкеров будет отнят водочный шлем и у них останется только шлем фамильного герба или в лучшем случае армейский шлем, наступит конец Пруссии. Если даже отвлечься от всего хода мировой истории, от возможности, вероятности или неизбежности новых войн или переворотов, одна уж конкуренция русской водки должна разорить Пруссию, поскольку она уничтожает промышленность, поддерживающую земледелие восточных провинций на нынешней ступени его развития. Но тем самым она уничтожает и условия существования юнкеров к востоку от Эльбы с их 3 000 крепостных на каждую квадратную милю; тем самым она уничтожает основу прусского государства - тот материал, из которого вербуются офицеры, унтер-офицеры и беспрекословно повинующиеся приказам солдаты, и, кроме того, материал, из которого образуется основное ядро бюрократии - тот материал, который придает теперешней Пруссии ее специфический характер. С падением винокурения рушится прусский милитаризм, а без него Пруссия - ничто. Восточные провинции займут тогда то положение, которого они заслуживают в Германии в соответствии с их редким населением, с их подчиненной земледелию индустрией, с их полуфеодальным состоянием, слабым развитием в них городской культуры и всеобщего обучения. Остальные области Германской империи, освобожденные от гнета этого наполовину средневекового господства, вздохнут тогда легче и займут положение, соответствующее их промышленному развитию и более высокому образованию. А сами восточные провинции изберут для себя другие отрасли промышленности, менее зависимые от земледелия и в меньшей степени допускающие феодальный способ производства, и тем временем доставят свои армии не прусскому государству, а социал-демократии. Весь остальной мир будет ликовать, что наконец покончено раз навсегда с прусским сивушным ядом. А прусским юнкерам и "растворившемуся, наконец, в Германии" прусскому государству придется утешать себя словами поэта:

То, что в песне бессмертно живет,
В жизни погибнуть должно*.

* Шиллер. "Боги Греции". *Ред*